

На следующее утро Лин Чжи проснулся от обволакивающего тепла. Его стопы, обычно ледяные в холодную погоду, теперь словно покоились на грелке.

Откинув одеяло, он увидел белоснежный комочек: щенок примостился у самых его ног, невинно глядя на хозяина чистыми черными глазами-бусинками.

Прошлой ночью Лин Чжи строго-настрого запретил Но-Но забираться на кровать, и тот послушно устроился на коврик в обнимку со своей тряпичной куклой. Однако чересчур активный пес явно пренебрег приказом, тайком проскользнув под одеяло, стоило хозяину уснуть.

— Ах ты, негодник, — юноша шутливо подтолкнул мягкий собачий живот кончиками пальцев ног, но в его голосе не было и тени раздражения, лишь легкая усмешка.

Изначально он завел эту собаку лишь ради того, чтобы произвести впечатление на Мин Яо, однако искренняя, беззаветная преданность пса не могла оставить равнодушным даже такого человека, как Лин Чжи. Он не стал прогонять Но-Но; достаточно было просто распорядиться, чтобы слуги позже сменили постельное белье.

Почувствовав, что хозяин не сердится, щенок принялся радостно скакать по матрасу.

Система 01 молча наблюдала за этой сценой, лишь ревниво фыркнув про себя.

Умывшись и переодевшись, Лин Чжи отправил сообщение дяде Цзиню. После того как его будни стали более насыщенными, он перестал навещать Старейшину Мина слишком часто, но при резких переменах погоды всегда справлялся о его здоровье и давал советы. Старик обычно отмахивался, ворча, что он еще крепок и нечего за ним присматривать, поэтому юноша переключился на дядю Цзиня.

Тот был правой рукой старейшины. Постоянно упоминать дедушку в разговорах с Мин Яо значило бы откровенно играть на публику, а Лин Чжи не стремился к дешевым эффектам. Он проявлял заботу в мелочах, зная, что такие детали всегда находят отклик в чужих сердцах. Люди в возрасте Старейшины Мина ценят не подношения редких сокровищ, а искреннее, деятельное внимание.

«Дядя Цзинь»: В последние дни похолодало, постоянно идут дожди. Старейшина немного кашляет, но пить лекарства наотрез отказывается. Пришлось сварить ему имбирный отвар, чтобы прогнать холод, и грушевый сироп от кашля.

«Лин Чжи»: Дядя Цзинь, пожалуйста, присмотрите за ним. Если болезнь затянется, заставьте его выпить лекарства силой. Скажите, что это распоряжение Мин Яо. Я навещу его сегодня

после работы.

Выйдя из мессенджера, Лин Чжи позавтракал и отправился в офис. Последние несколько дней он уезжал пораньше, так что их пути с мужем не пересекались. Со времени их близости в термальных источниках прошло уже около четырех дней.

Лин Чжи не стал сообщать Мин Яо о болезни дедушки и не приглашал его поехать вместе. Он ждал. Ждал, когда мужчина заговорит первым.

«Неужели Директору Мину, которому даже для приглашения супруга на банкет требовались услуги Гао, снова понадобится посредник?»

Лин Чжи был уверен: дядя Цзинь обязательно доложит Мин Яо о состоянии дедушки. Более того, тот наверняка узнает, что Лин Чжи собирается нанести визит. Каким будет его выбор? Передаст ли он просьбу через помощника, сообщит ли лично или решит просто встретиться там, у постели больного?

В офисе на верхнем этаже Мин Яо, только что завершивший трансатлантическую конференцию, наконец нашел время проверить телефон. Он увидел сообщение от дяди Цзиня, пришедшее несколько часов назад.

Мужчина открыл чат с Лин Чжи, закрепленный в самом верху. Там было пусто — ни единого слова. В папке входящих СМС тоже ничего. Похоже, супруг не собирался ставить его в известность о своих планах.

Мин Яо слегка нахмурился, невольно задумавшись: не был ли он слишком груб в прошлый раз, не оставил ли на теле юноши отчетливых следов? Но тот не выглядел обиженным, когда уходил. Потеряв нить рассуждений, президент потер переносицу — складка между бровями стала глубже. Когда-то он считал Лин Чжи открытой книгой, человеком, чьи поступки всегда продиктованы очевидной выгодой. Но теперь тот становился всё более загадочным.

Раз Лин Чжи собирается к дедушке после работы, Мин Яо мог бы подождать его и предложить поехать вместе. Но юноша не уточнил время: вдруг он снова отправится на какую-нибудь встречу и они разминутся?

Поколебавшись, мужчина всё же отправил сообщение сам. На этот раз он не стал прибегать к услугам ассистента — какой смысл, если всё важное уже было сказано Старшим специальным помощником Гао ранее?

«Мин Яо»: Дедушка приболел. Поедем навестить его вместе позже?

Сидя за компьютером, Лин Чжи едва заметно улыбнулся и напечатал лаконичное: «Хорошо».

Ближе к вечеру сотрудники секретариата были охвачены коллективным шоком. Сегодня Директор Мин уходит с работы вовремя? Не на деловой ужин, не на совещание, не в командировку — просто домой?

Старший специальный помощник Гао провожал босса загадочной улыбкой, в которой коллеги читали некую непостижимую мудрость. Как доверенное лицо, он знал график шефа до секунды, и, сопоставив его с необычайно благодушным настроением начальника в течение дня, еще выше вознес в своих глазах образ господина Линя.

Дождя не было, но небо оставалось серым и хмурым. Старые сизые кирпичи во дворике старейшины хранили следы недавней сырости. Клетка под стрехой пустовала, в каменном пруду лениво скользили две рыбины. Цветы в галерее поникли, и лишь один влаголюбивый куст бодро тянул листья вверх.

Когда приехали Лин Чжи и Мин Яо, Старейшина Мин в традиционном костюме отдыхал в шезлонге на веранде. Его закрытые глаза и неподвижность навевали мысли о печальном увядании. Старик всегда был сухощав, но теперь печать болезни делала его облик болезненно хрупким.

— Дедушка.

Они произнесли это в один голос. Мин Яо въехал во двор в своем кресле, а Лин Чжи, быстро преодолев ступени, уже оказался рядом со стариком.

— Почему это вы вместе? — Старейшина открыл глаза, и на его лице проступила радость, мгновенно оживившая черты.

Мин Яо посмотрел на него с явным неодобрением:

— Дядя Цзинь сказал, что ты кашляешь. И снова отказываешься от лекарств?

— Опять он болтает лишнее! Зачем им об этом знать? — проворчал старик, бросив косой взгляд на стоящего поодаль помощника. Повернувшись к внуку, он пренебрежительно махнул рукой:

— Подумаешь, кашлянул пару раз вечером, тоже мне событие.

Едва он договорил, как его сотряс приступ мучительного кашля. Лин Чжи тут же принялся осторожно гладить его по спине, помогая восстановить дыхание. Когда старик отдышался, на его лице отразилось некое смущение.

Юноша повернулся к дяде Цзиню:

— Идите, приготовьте отвар. Мы проследим, чтобы дедушка его выпил.

Тот, будучи знатоком традиционной медицины, всегда следил за здоровьем главы семьи. В отличие от западных препаратов, травяные сборы действовали мягче и лучше подходили для пожилого организма. Возможно, сейчас это был лишь легкий кашель, но в таком возрасте любая мелочь могла обернуться бедой, поэтому лечение следовало начинать немедленно.

Старый слуга поспешил выполнять поручение, и в его движениях не осталось и следа былой настороженности по отношению к Лин Чжи.

— Значит, решили сговориться против меня? — Старейшина переводил взгляд с одного на другого, изображая притворную покорность.

— Не шути со здоровьем, — тон Мин Яо оставался сухим и жестким. Даже в заботе он казался излишне строгим.

— Когда я узнал о вашей болезни, я даже не смог сосредоточиться на работе, — мягко добавил Лин Чжи. — Дедушка, если вы не хотите позаботиться о себе ради себя, сделайте это ради нас. Не заставляйте нас так сильно волноваться.

Слова юноши звучали тепло и искренне, и на фоне резкости Мин Яо они казались старику куда приятнее.

Старейшина, не в силах больше сопротивляться, сдался:

— Хорошо, хорошо. Выпью я ваше лекарство. Ну и зануды, право слово. Да я здоров как бык!

Лин Чжи с улыбкой кивнул и поднес к руке старика чашку горячего чая.

Мин Яо знал, что супруг мастерски играет роль «паиньки» перед дедушкой. Раньше он относился к этому с презрением, но сегодня поймал себя на мысли: неудивительно, что старик так легко поддается этому обаянию. Если бы он сам заболел, но упорствовал в желании работать, а Лин Чжи сказал бы ему нечто подобное... Мужчина признал: возможно, и он бы заколебался.

Пока Старейшина Мин пил отвар, Лин Чжи отошел проверить свои цветы. Мин Яо остался подле деда. У них редко находились темы для разговора, помимо работы, и без Лин Чжи в их общении вновь повисла неловкая тишина.

Старик вздохнул и спросил внука о его ногах. Для Мин Яо это время года было самым тяжелым: сырость и дожди всегда приносили с собой ноющую боль. Он отделался парой слов, заметив, что всё по-прежнему.

— Мин Яо, ты еще молод, и впереди у тебя долгая жизнь. Неужели ты хочешь, чтобы всё так и оставалось? Считай, что то прошлое мертво, отпусти его. Если ты сможешь снова встать на

ноги, тебе же будет лучше, — сказал старик, допив лекарство до дна. Горечь стояла у него в горле и на сердце.

— Дедушка, я пробовал тогда...

— Ты не был до конца решителен, — старик перебил его, и его затуманенные глаза сверкнули пронизательностью, обнажая самую суть дела. — Твоя воля не была тверда.

Он поставил пустую пиалу, глубоко вздохнул и, бросив взгляд на Лин Чжи, стоявшего поодаль, негромко произнес:

— Это славный мальчик, он удивительно умеет располагать к себе. Я брал его на встречи со старыми друзьями, и кое-кто уже порывается выступить в роли свахи. Твои способности превосходят мои, ты и сам понимаешь: если ничего не предпринимать, удача ускользнет к другому. Тем более — живой человек. Выбирайся уже из своей скорлупы.

Старейшина не был уверен в истинных чувствах внука, а потому не мог прямо заявить друзьям, что это его законный зять.

Мин Яо промолчал, лишь наполнил чашку деда чаем. Он вспомнил сон, привидевшийся ему на курорте, и слова деда эхом отозвались в его душе, заставляя взгляд потемнеть.

Старик пригубил чай и, негромко отбивая такт ладонью, запел строки из «Хуань Си Ша» Янь Шу:

— Взору открыты просторы земли, но думы о тех, кто вдали... Ветер и дождь губят цветы, множа весеннюю грусть... Не лучше ль ценить того, кто сейчас пред тобою?..

Из-за болезни старейшины ужин был легким и пресным. Сейчас была самая пора для жирных крабов, но это блюдо считалось «холодным», поэтому Старейшине Мину досталось лишь немного нежного тофу с крабовой икрой. Он завистливо наблюдал, как Лин Чжи и Мин Яо наслаждаются деликатесом, а после трапезы в шутливом гневе выставил их вон.

— С годами он становится всё капризнее, совсем как ребенок. В молодости он был другим, — заметил Мин Яо в машине.

Лин Чжи повернулся к нему. Президент редко начинал разговор сам.

— И каким же был дедушка раньше?

— Строгим, суровым, крайне требовательным. Никогда не улыбался.

Лин Чжи окинул мужчину внимательным взглядом. Тот поджал губы, прекрасно понимая, на что намекает юноша. Эти слова во многом описывали и его самого, но между ними всё же была разница.

— Похоже, в детстве тебя держали в ежовых рукавицах, — пошутил Лин Чжи.

Мин Яо на мгновение задумался, словно погружаясь в обрывки воспоминаний. Погода окончательно испортилась, за окном стемнело. Тусклый свет приборной панели очерчивал профиль мужчины, смягчая его резкие черты.

— Да, он всегда был суров. Моя бабушка часто на это жаловалась, — отозвался он, снова переводя тему на деда.

Лин Чжи почувствовал, что Мин Яо намеренно избегает личных вопросов. Очевидно, он еще не был готов впустить его в свое прошлое.

«Это естественно: интерес к человеку не означает готовности немедленно раскрыть все тайны, особенно те, что глубоко заперты под спудом невысказанной боли»

Однако, судя по настрою Мин Яо, Лин Чжи чувствовал, что этот день не за горами. У него уже был план, оставалось только ждать.

Машина плавно катила по дороге. Когда они подъехали к дому, водитель открыл дверь перед Мин Яо. Перед тем как зайти в лифт, мужчина как бы невзначай обронил:

— Послезавтра состоится прием. Ты пойдешь со мной. Насчет одежды не беспокойся, я сам всё подготовлю.

Лин Чжи кивнул и вошел вслед за ним в кабину. Цифры на табло стремительно менялись, лифт уже приближался к четвертому этажу.

— Неужели мне не нужно выбрать самому? — словно спохвативсь, спросил Лин Чжи. — Ты ведь можешь ошибиться с размером.

— Не ошибусь. Я измерял их собственноручно.

Лицо Мин Яо оставалось таким же бесстрастным, как и всегда, но слова находились в вопиющем противоречии с его видом. Это была эротика в холодных тонах — шторм, бушующий под вековыми льдами.

Мин Яо спокойно встретил взгляд Лин Чжи и спросил:

— Хочешь убедиться?

Время вышло, и двери лифта медленно закрылись.

Цифры на табло устремились к пятому этажу.

<http://bllate.org/book/15821/1427988>